

Н. Н. Мамонтова (Петрозаводск, Россия)

Карельская ойконимия: состояние, проблемы, перспективы

Объектом рассмотрения являются названия населенных пунктов на территории Республики Карелия: городов, поселков городского типа, сел, деревень, карельских как по происхождению, так и по употреблению. Это вполне согласуется с содержанием научного термина “ойконим” — “вид топонима, собственное имя любого поселения, в т.ч. городского типа — астионим и сельского типа — комоним” (ПОДОЛЬСКАЯ 1978: 93). Безусловно, в число ойконимов входят названия полустанков, железнодорожных станций, разъездов, бывших хуторов, число которых было значительным в Карелии в начале прошлого столетия (Список 1928, Список 1935).

Следует заметить, что некоторые исследователи включают в разряд ойконимов также названия улиц, исходя из того, что часть из них образована от названий сел и деревень, вошедших в черту того или иного города в качестве его пригородов (СУПЕРАНСКАЯ 1985: 64), что особенно очевидно на примере больших городов (Москвы, Санкт-Петербурга и др.). Среди названий улиц многих современных городов представлены те, что даны в честь городов-героев, городов-побратимов и иных чем-либо близких — по расстоянию или по духу — населенных пунктов. С этой точки зрения они могут представлять интерес для изучающих ойконимию, однако принципы номинации большинства улиц, площадей и тому подобных объектов все же существенно отличаются от названий поселений, и поэтому едва ли правомерно относить их к ойконимам.

Ойконимы относятся к особому разряду так называемых “культурных” объектов, которые изначально не существовали в природе. Они возникли в результате деятельности человека и в силу этого не могли не обладать определенной спецификой и в принципах номинации, и в выборе языковых средств при их оформлении в отличие, например, от названий природных естественно-географических объектов. Кроме того, в силу своей особой социальной значимости ойконимы более, чем все другие разряды топонимов, подвержены всевозможным изменениям, связанным не столько с лингвистическими, сколько с экстралингвистическими факторами.

На территории Карелии в настоящее время находится 12 городов и около 600 сельских населенных пунктов (АТД 1998). Их число год от года сокращается, о чем свидетельствуют следующие цифры. По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Карелии насчитывалось 668 населенных пунктов. В 1979 г. в Карелии было 742 населенных пункта, в 1959 г. — 1553, а в 1939 г. — 2973 поселения (КЛЕМЕНТЬЕВ 2002: 48). Согласно первому послереволюционному списку населенных мест 1928 г. в Карелии было зарегистрировано 2852 поселения, включая и временные (но без северо-западного Приладожья, которое до 1940 г. входило в состав Финляндии). Примерно треть из общего числа населенных пунктов приходится на районы с преимущественным проживанием карелов (до 40—70%): Олонецкий, Пряжинский и Калевальский. По разным причинам исчезают поселения: в результате войн, прокатившихся по карельской земле; неправильной политики отнесения целого ряда небольших населенных пунктов к так называемым неперспективным и переселения их жителей в более крупные города и села. С уходом в небытие

поселений постепенно стираются в памяти их названия, вместе с которыми теряется и вся историко–культурная информация, заложенная в них.

Помимо резкого сокращения числа ойконимов в Карелии, наблюдается еще одна тенденция, напрямую связанная с этнополитической ситуацией в республике и с проблемами национально–государственного строительства в советский и постсоветский перестроечный периоды. По материалам переписи 1989 года, в Карелии проживало более 100 национальностей, в том числе 73,6% русских, 7% белорусов, 3,6% украинцев и других переселенцев. Доля прибалтийско–финского населения Карелии составляет немногим более 10%, из них карелов — 10%, вепсов 0,8%, финнов 2,3% (КЛЕМЕНТЬЕВ 2002:48). Происходит постепенная языковая и этническая ассимиляция этих народов, в особенности карелов и вепсов, что проявляется даже на ойконимическом уровне.

Как известно, коренными жителями Карелии являются карелы, давшие в качестве титульного народа название нашей республике, и вепсы. Они издавна населяли территорию нашей республики, оттеснив к северу более ранних ее аборигенов – саамов. Гораздо позднее с IX—XI веков карельскую землю осваивали русские, мирно уживаясь на ее просторах с местным населением. Об этом убедительно свидетельствует, наряду с данными других наук, топонимия Карелии, включая ойконимию.

В прошлом территория проживания карелов была, несомненно, значительно шире, поэтому карельские по происхождению ойконимы могут быть в тех местностях, где карельского населения практически не осталось: в Беломорье, Заонежье, Пудожском крае. Следует иметь в виду и Приладожье, являвшееся когда–то прародиной древнего племени корела — предков современных карелов — а ныне заселенное полностью пришлым из разных концов не только Карелии, но и бывшего Советского Союза населением.

Карельская ойконимия (она в этом плане не является исключением) формировалась на протяжении многих веков в определенных географических, исторических, и этнографических условиях на территории, которая служила местом соприкосновения и взаимовлияния родственных в языковом отношении и неродственных –этнических групп (саамы, вепсы, финны, русские), что также сказывалось на ее облике.

Таким образом, карельская ойконимия, как впрочем и многие другие группы ономастической лексики, многослойна и разновременна, содержит в себе не только исконные карельские по происхождению названия, но и заимствованные в разные исторические периоды из других языков (например, в основе карельских ойконимов *Siidniemi*, *Suolužmägi* предположительно лежат саамские лексемы (соответственно *siid* ‘зимняя деревня’, *suoluž* ‘остров(ок)'), а ойконимы *Besoučankülä*, *Matrossankülä* — это усвоенные карелами русские названия Бесовец и Матросы.

Особенно следует подчеркнуть, что все карельские названия населенных пунктов, употреблявшиеся и употребляющиеся карелами до сих пор, являются неофициальными, поскольку издавна в качестве официальных признаны их русские соответствия. Это явление своими корнями уходит в далекое прошлое: со времени вхождения карельских земель в состав Русского государства все их названия стали фиксироваться в деловых бумагах и документах только на русском языке, кроме двух первых послереволюционных списков населенных мест Карельской АССР (Список) 1928 и 1935 гг. За несколько веков сложились определенные традиции

передачи местных названий средствами русского языка: почти адекватная передача (*Ахвенламби — Ahvenlambi*), частичный или полный перевод (*Святозеро — Pühäjärvi*), переосмысление (*Соломенное — Salmi*), параллельное существование двух (реже более) совершенно разных, ни в чем не совпадающих названий (*Лояницы — Михайловское — Kuujärvi*). Все эти виды адаптации карельских ойконимов русским языком (фонетическая, морфологическая, лексико–синтаксическая) легко выявляются при наличии двух, официальной и неофициальной, форм названия одного и того же объекта, в данном случае — поселения, что возможно только на территории современного или недавнего проживания карелов. Во всех остальных районах перед нами лишь конечный результат этого непростого процесса усвоения и переработки местных карельских (шире — прибалтийско–финских) названий, чему имеются многочисленные свидетельства в Писцовых книгах и других документах XV—XVI вв.

Ведение всего делопроизводства на территории Карелии изначально и фактически до сих пор на русском языке (и некоторое время, начиная с 1920 г. — на финском) было в определенной степени обусловлено тем, что языки коренных жителей края карелов и вепсов до 1920—1930-х годов и даже позже (до начала 90-х годов XX столетия) были бесписьменными.

Начавшийся после революции 1917 г. период национально–государственного строительства в бывшем СССР не мог не коснуться исторических судеб этих народов. С момента образования Карельской Трудовой Коммуны (1920 г.), преобразования ее в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику — КАССР (1923 г.), а затем Карело–Финскую ССР (1940 г.) и вновь в Карельскую АССР (1956 г.) функции второго официального языка в Карелии стал выполнять финский язык, распространенный в определенной степени среди карелов Северной Карелии благодаря ее торговым и иным связям с Финляндией. Но он был непонятен южным карелам (ливвикам, людикам) и, добавим, вепсам. Руководство республикой в те годы осуществлялось в основном “красными” финнами (участниками революции 1918 года в Финляндии). Провозглашенные советской властью принципы равноправия народов, их культуры и языков свелись по сути дела к политике “финнизации”. Вместо того, чтобы создавать условия для социально–культурного этнического развития карелов и вепсов, всемерно способствовать возникновению письменности на карельском и вепском языках приоритет отдавался внедрению финского языка во все сферы жизни. В процессе начавшегося языкового строительства 1920—1930-х годов и позднее неоднократно менялись взгляды и подходы к развитию письменных на карельского и вепского языков. Эти языки объявлялись “некультурными” в отличие от “культурных”, официальных, государственных русского и финского. Обучение в карельских школах то переводилось на карельский язык, то на финский или русский, хотя в Конституции КАССР 1937 г. официальными языками признавались русский, финский и карельский. Но уже в Конституции 1940 г. и всех последующих (1957, 1978 гг.) статус государственных языков в Карелии получили только русский и финский языки (КЛЕМЕНТЬЕВ 2002: 52—57).

Видимо, под влиянием благоприятных в определенный исторический период обстоятельств были изданы в 1928 и в 1935 годах наиболее полные списки населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 и 1933 годов) (Список 1928, Список 1935). Их особенностью являлось то, что большинство ойконимов приводились на трех языках: официальные формы на

русском и финском, а в местах компактного проживания карелов (и вепсов) — их карельские (и вепские) названия на латинской графике и почему-то со строчной буквы: (рус.) *Корби-наволок* — (фин.) *Korpieniemi* — (кар.) *korbi-^{niemi}** /Нялмозеро/; (рус.) *Перт-наволок* — (фин.) *Pirttiniemi* — (кар.) *pert'niemi* (Кончезеро); (рус.) *Конец-остров* — (фин.) *Saarenpää* — (кар.) *šoarenpeä* /Реболы/; (рус.) *Рая-сельга* — (фин.) *Rajaselkä* — (кар.) *raiaselgü* /Погранкондуши/; (рус.) *Сярги-лахта* — (фин.) *Särkilahti* — (кар.) *särgilahti* /?ссойла/; (рус.) *Вехку-сельга* — (фин.) *Vehkuselkä* — (кар.) *Vehkuselgä* (Вешкелицы); (рус.) *Сямозеро* — (фин.) *Säämäjärvi* — (кар.) *säämäarvi* (Сямозеро); (рус.) *Реболы* — (фин.) *Rebola* — (кар.) *rebol'a*.

С одной стороны, очень важно приводить народные, испокон веков употребляемые карелами (и вепсами) названия, с другой — у ойконима, как и у любого другого географического названия, есть одна главная функция — служить адресом, а адрес должен быть максимально точным, без вариантов. Именно поэтому следовало бы давать одну единственную правильную форму. Варианты названий в данном случае являлись определенным излишеством, избыточной информацией. По всей видимости, требовались время и квалифицированные специалисты, чтобы упорядочить карельскую (и вепскую) ойконимию и уединообразить их употребление. Но власти пошли другим путем, было выбрано другое, более простое, но отнюдь не самое верное решение: оставить функционировать только русские традиционные ойконимы, что и представлено во всех последующих справочниках административно-территориального деления Карелии. В этом выразилось определенное пренебрежение к национальному достоянию карелов и вепсов со стороны русскоязычного населения нашей республики и прежде всего ее властных структур. Даже в постперестроечное время при принятии вместо прежнего названия Карельская автономная советская социалистическая республика (КАССР) нового названия — Республика Карелия (1991 г.), что подтверждало историческую роль карелов как титульного народа, в области карельской ойконимии (шире — топонимии) положение оставалось прежним. И это имело место в тот период, когда немало делалось для возрождения национального самосознания карелов, вепсов, финнов, для сохранения и развития их языков и культур. Нельзя сказать, что такое положение устраивало карелов. На самых первых собраниях Союза карельского народа, на съездах карелов неоднократно звучали призывы вернуть из небытия в официальные сферы карельские названия мест. Более радикально настроенные представители карельской общественности выдвигали требование заменить вообще все русские названия на карельские (там, где они были). Естественно, что это явилось в какой-то степени ответной реакцией на нежелание власть имущих придать карельскому языку статус государственного языка, и все же такое решение проблемы было бы неверным и, естественно, могло вызывать только определенную национальную конфронтацию. Дело в том, что исторически сложившаяся система русских именовании населенных и иных мест в Карелии обслуживала все русскоязычное население не только Карелии, но и за ее пределами, и было бы совершенно несправедливо отказываться от русских топонимов, которые освещены давними традициями их употребления (МАМОНТОВА 1988). Думается, лучшим решением вопроса был бы возврат прежних карельских (и вепских) названий и употребление их наряду с русскими, а не вместо них (как принято в Финляндии: фин. *Turku* и шв. *Ebo*,

* Написание сохраняется таким, какое приводится в “Списках населенных мест...”

Helsinki и *Helsingfors*). Это касается в первую очередь ойконимов – названий населенных пунктов, поскольку они в силу своей социальной значимости занимают особое положение в сердцах и душах людей (это и место рождения и место жительства каждого, и нам далеко не безразлично, какие названия окружают нас).

Что касается исследований карельской ойконимии, то нельзя сказать, чтобы она не привлекала внимания ученых. Так, названиям людиковских поселений посвящены монография финского топонимиста Вильё Ниссиля. Им же написаны статьи об ойконимах, производных от антропонимов, у карелов–ливвиков. Отдельные карельские ойконимы представлены и в других работах этого исследования. Есть ряд публикаций в отечественных сборниках научных статей, подготовлена рукопись “Карельская ойконимия” (Подробнее см. МАМОНТОВА 1995).

Задачей сегодняшнего дня является создание нормативного справочника ойконимов Карелии, включающего карельские, вепсские, финские и русские формы. Правда и тут все непросто. Сегодня с повестки дня не снимаются вопросы о статусе карельского языка, быть ли ему или не быть государственным языком в Карелии, создавать или не создавать единый карельский язык для собственно–карелов, ливвиков и людиков. В зависимости от их решения карельские ойконимы или будут иметь одну литературную форму или же будут представлены на двух диалектах карельского языка (собственно–карельском и ливвиковском, но без людиковского(?)). Видимо, созданная при Государственном комитете по делам национальной политики Республики Карелия термино–орфографическая комиссия должна уделить внимание всем этим вопросам, или же требуется создание особой комиссии, регулирующей употребление карельский названий населенных мест.

Ойконимы, как и другие группы географических названий, являются своеобразными памятниками духовной культуры, языка и истории народов, их создавших. Именно поэтому крайне необходимо бережное отношение к ним, а главное четкость и стабильность в их употреблении (правописании, произношении, склонении).

Литература

- АТД (1998) = *Карельская АССР. Административно–территориальное деление (на 1 января 1998 г.)*. Петрозаводск.
- КЛЕМЕНТЬЕВ, Е. И. (2002) *Карелия: штрихи к этнополитическому портрету (история и современность)*. In: *Этнопанорама 2002/1*, pp. 48–59.
- МАМОНТОВА, Н. Н. (1988) *К вопросу о традициях в топонимии и о традиционных топонимах (на материале топонимии Карелии)*. In: *Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики*. Петрозаводск, pp. 37–49.
- МАМОНТОВА, Н. Н. (1991) *О структурных типах карельской ойконимии. Первичные и вторичные ойконимы*. In: *Прибалтийско-финское языкознание*. Петрозаводск, pp. 46–57.
- МАМОНТОВА, Н. Н. (1995) *Из истории изучения топонимии Карелии*. In: *Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем*. Петрозаводск, pp. 92–123.

- NISSILÄ, VIJO (1967) *Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes*. MSJOU. 144. Helsinki.
- ПОДОЛЬСКАЯ, Н. В. (1978) *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва.
- Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года)*. Петрозаводск, 1928.
- Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1933 года)*. Петрозаводск, 1935.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. (1985) *Что такое топонимика?* Москва.